

Юбилей месяца Вет. театр - 1995 - 1 апреля - 63

Мистерия убитого театра

6 июля исполнится 110 лет со дня рождения Александра Яковлевича Таирова. Не очень-то круглая дата, но о Таирове не так уже часто говорят и вспоминают, как он того заслуживает. По мнению Михаила Чехова, он входит в пятерку великих русских режиссеров театра: Станиславский, Вахтангов, Мейерхольд, Немирович-Данченко и Таиров. Да и по другим оценкам Таиров — один из крупнейших режиссеров-реформа-

торов. У него была удивительная судьба: он создал свой театр, свою театральную эстетику, вознес на театральном олимпе свою актрису. Покорил своими спектаклями Запад, имел шумный успех на родине, а в конце жизни был затравлен, растоптан, унижен. Взлет и падение. Слава и забвение. Вполне в духе античных трагедий, которые он ставил.

Начало было скромным и малопримечательным. В 20 лет Таиров — актер в труппе М. Бородея в Киеве. Затем актер в театре В. Комиссаржевской в Петербурге. Далее Рига, Симбирск и другие города. Первая режиссерская проба — "Гамлет" в 1908 году. Параллельно с работой в театре окончил юридический факультет Петербургского университета. Встретил Алису Коонен, любимую ученицу Станиславского, и эта встреча решила все. Алиса Коонен нашла своего режиссера (интуитивно поняла, что Таиров — именно то, что ей необходимо). Таиров нашел свою актрису. Найти помещение, набрать труппу — это уже были сущие пустяки. Главное, был найден и создан Центр, Стержень, нащупана Идея.

Содружество Таирова и Коонен уникально само по себе. Судите сами. Влюбленность друг в друга. Вера друг в друга. Совместное желание, нет, точнее, горение в работе. Они не завели детей, не обременяли себя излишними дружбами и привязанностями, все было брошено в костер творчества. Отсюда и результат (чудес на свете не бывает, все чудеса можно прозаически объяснить).

Камерный театр Александра Таирова и Алисы Коонен открылся 12(25) декабря 1914 года пьесой древнеиндийского поэта и драматурга Калидасы "Сакунтала", переведенной Константином Бальмонтом. Декорации к ней подготовил Павел Кузнецов. Первый спектакль — первый успех.

Конечно, прекрасно сыграла Коонен, но зрителей поразили и сам театр, новаторский, непривычный. Таиров создал театр символический, романтический, зрелищный. Как отмечал критик Рудницкий, "крайние жанры, которые культивировал Таиров, трагедия (по его терминологии — "мистерия") и комедия ("арлекиниада"), гарантировали необходимую дистанцию от повседневности". Таиров сознательно уходил от быта, не случайно своих актеров он учил жонглированию, акробатике, фехтованию, дыханию, гимнастике, движению, танцам и ритмам. По Таирову, все это входило в понятие "неореализм".

За "Сакунталой" последовал шумный успех "Адриенны Лекуверр", а затем "Принцессы Брамбиллы".

"Это был, — удивленно писал по поводу "Брамбиллы" другой критик, Эфрос, — экзаме́н массовых ритмов, ликующей подвижности, карна-

валльных перевоплощений... Шло кружение, пенье, сверканье, мельканье каких-то десятков людей-масок, людей-плащей, людей-носов, людей-шпаг, сменяющихся в неслыханных темпах и молниеносных перестроениях. Это было одно из блистательных зрелищ, какие когда-либо доводилось видеть".

Молодой и пылкий сегоднешний читатель, конечно, сразу задастся вопросом: а как вписывалась вся эта веселая фантазмагория в стиль эпохи? Вписывалась, но только до поры до времени. Таиров ставил "Федру" Расина (это был шедевр, признанный Европой), пьесы Кальдерона, Скриба, Оскара Уайльда, Бернарда Шоу, он первым вывел на советскую сцену драматургию Бертольда Брехта и Юджина О'Нила. Иностранный репертуар? Нет, он ставил и отечественные вещи. Но если с "Оптимистической трагедией" все обошлось (великолепна была в спектакле в роли комиссара Алиса Коонен), то с другими пьесами было иначе.

9 ноября 1929 года состоялась премьера спектакля "Наталья Тарпова" о "беспартийной любви" партийки Тарповой. Наталья Тарпова — член партии, секретарь фабкома, бит беспартийного инженера Виктора Габруха. Уже коллизия. Про ЭТО — "полный абзац", как говорят ныне остряки. Спектакль через месяц сняли. Полетели бранные словечки "адольтер" и "арцибашевщина". В середине 30-х с треском провалился спектакль Таирова "Богатыри" — пьеса Демьяна Бедного. Таиров не был диссидентом, борцом с режимом, он просто хотел работать в рамках тоталитаризма, коли выпало в нем жить ("времена не выбирают..."), и он даже пытался угодить этой власти, понравиться. Но не понравился. Вернее, не понравился самому главному зрителю

страны — Иосифу Сталину. Сталин единственный раз пришел в Камерный театр и угодил на неудачный спектакль "Багровый остров" Михаила Булгакова. При случае он изрек: "Буржуазный театр". И участь Камерного была решена.

У Сталина был придворный театр — Художественный. Был еще Большой. Зачем еще? Не много ли? Да и режиссер какой-то неугомонный, вроде Мейерхольда. С Всеволодом Мейерхольдом расправились жестоко: после разностной критики арестовали, пытали и ликвидировали. С Таировым поступали мягче, гуманнее. Но и эта "гуманность" стоила жизни великому режиссеру. У него просто отняли театр.

19 мая 1949 года все было кончено. Таиров оказался вне стен театра, которому отдал 35 лет своей жизни. Комиссией по ликвидации Камерного руководил еще один большой знаток искусства — маршал Клим Ворошилов.

В доме у Таировых потянулись страшные дни. Об этом пишет Алиса Георгиевна Коонен: "... Наступивший день показался нам странным и страшным — ни Таирову, ни мне не надо было идти в театр. Александр Яковлевич ходил взад и вперед по комнате, потом внезапно обратился ко мне: "Ты должна каждый свой день начинать так, как будто вечером играешь спектакль. Занимайся гимнастикой, речью, всем, чем ты занимаешься обычно. Готовь какую-нибудь новую роль... Теперь иначе ты не сможешь жить!"

Итак, его не арестовали. У него отняли театр, но театр был для Таирова, м, самой жизнью, значит, у него отняли жизнь. И он вскоре заболел: бред, безумие. Диагноз: рак мозга — болезнь потрясения. Когда его увозили в больницу, внизу, в помещении театра, по случайному совпадению играли траурный марш из "Адриенны Лекуверр" — шла репетиция. Таиров все это видел. 25 сентября 1950 года в больнице имени Соловьева.

Маленькая деталь: одна из последних пьес, которую хотел ставить Таиров, принадлежала молодому Александру Галичу: "Начало пути". Подому и закончим строками Галича:

"Но не печалься, Бах", — говорит Бог.

"Да уж ладно, Бог, — говорит Бах, —

Да уж ладно..."